

Анастасия Винтила

РЫБАК 2.0

Рассказ

Лось Гришка что-то жевал, когда услышал шорох. Недалеко от кустов на камнях у воды расселся Рыбак. Он швырял удочку с живыми примитивными организмами в когнитивную реку. Как только воды касалась еще живая неумная тварь, возникал диссонанс и болото бурлило. Со дна поднимались настоящие хищные и не очень существа. Их он и отлавливал.

Рыбак любил сие действие вне зависимости от погодных условий. Сущность у него была такая. Лось Гришка грустно рассматривал ловца тварей: волосы спутанные, очки, а глаза пытали: насколько ты готов к тому, чтобы опуститься на самое дно. Лось не понимал пропаганды реки «не войти в меня дважды». Он не знал, что есть такие мысли, которые позволят по воде этой ходить босиком. Гришка просто смотрел на Рыбака. И жевал.

— Алло, — послышался голос откуда-то сверху. — Вам сказали раздеться.

Гришка замер — опасность?

Рыбак кивнул себе, улыбаясь:

— Начался осмотр. Сча повалит движение.

И действительно, к берегу стали подплывать слепые карасики. Рыбак закурил, рассматривая живность.

— Улов без удовольствия. Сами пришли на ловца. Видать, выбросило вас волной сопротивления. Эка барыня нам досталась.

Слепые карасики не отплывали, ждали, когда их соберут. Гришка так и продолжил жевать: «Вот те невидаль».

Рыбак взял какую-то тряпку, завязал узлом камень и швырнул простую конструкцию в реку.

— Пускай ее немного поколышет, — сказал он. — А то решила легко избавиться.

Вода недовольно замерла. Затем закружила вокруг того места, куда упал камень в тряпке.

— Тянет ко дну, — сказал довольно Рыбак. — То-то! Надумала себе, что сэнсу обрела. Каргой будешь, а так не поймешь ничего — я всяких повидал.

Гришке стало интересно, и он решил медленно подкрасться к Рыбаку. Лось — пугливый, старался неслышно наступать на лесной хлам.

— Это ты, Гришка, крадешься? — не поворачиваясь, громко сказал Рыбак. — И чего ты сцышь?

Лось хотел было убежать.

— Ах да, — что-то понял Рыбак. — Ну я не охотник...

«И действительно, не охотник он», — согласился лось.

Гришка подошел близко. Рыбак улыбнулся.

— Видишь, — он держал сигарету и показывал в сторону реки, — поплыла в другую сторону. Течение — стерлядь! Всю ловлю теперь надо перестраивать. И главное, на сети ей плевать. А ведь я долго расставлял.

Он сплюнул и принялся возиться с сетями и удочками, адаптируя все к новому течению.

Гришка молча следил.

— А зимой знаешь как неприятно? — приговаривал он. — Все ждешь, когда клюнет. А там календарный год пожирает бытие. Перманентно жрет! Чавкает. Как потом трудно начинать все сначала.

Гришке захотелось чего-то. Он никак не мог понять, что за привкус у него во рту. Будь он человеком, то сразу бы понял: коньяк.

— Ждем-с, — сверху раздался опять женский голос и что-то шелкнуло, будто повесили трубку.

— О, это надолго. Можно спокойно собрать этих.

Рыбак грузно встал. Слепые карасики устремились к нему в руки. Он определил их в плетеную корзину. Накрыв черным и закопал. Гришка в ужасе застыл.

— Ну, не ссы! — грубее прикрикнул на него Рыбак. — Ты не в моей власти. Расслабься.

До утра не клевало. Лось немного расслабился: интерес к голосу сверху и ловле рыб заставил его не скрываться в лесной чаще. Когда солнце уже настоятельно рекомендовало бодрствовать, Рыбак встал и включил нудное радио в своей мини-станции. Гришке стало вновь не по себе: он с опаской шевелил ушами. Но Рыбак так строго глянул на него, что лось не стал распространять пугливость.

— Иду, курю... — пело радио.

Рыбак в короткой майке, пританцовывая, пил что-то из жестяной кружки. На том месте, где вчера были закопаны караси, выросла короткая ель.

— Необъективная эволюция, — объяснил он Гришке. — Тебе не понять.

Солнце жарило. Лось встал попить немного воды из реки. Муха укусила его за ухо, но Гришка побоялся ее прогнать: вдруг Рыбак решит, что он опять испугался.

— Ты, Гришка, не бык, уж не обижайся. А мог бы, кстати, разберись она с тобой как следует, — перекрикивая певуна, вещал Рыбак. — Но все равно не ссы!

Он танцевал, загребая грязь резиновыми сапогами.

Вдруг тучи покрыли все небо. Вода в реке вспенилась. Мухи замертво упали на землю.

— Нам хана, Гришка, — швырнув кружку, крикнул Рыбак.

Он быстро влез в рыбацкий костюм, на лицо нацепил маску. Тучи опускались все ниже. Ветер унижал деревья. Гришка заорал как дура. Рыбак профессионально расставил огромную палатку, накрыв ею невысокую ель: каждый колышек вдолбил быстро. Он с силой ввалил животное в свой навес, застегнул изнутри вход. Лось не моргал и плакал от этого.

— Не ссы, я же тебя просил. Куда ты такой пойдешь? — Рыбак говорил это наигранно легко.

Сам же открывал большие сундуки. В них лежали сложные системники передачи данных. Он шелкал кнопками, стучал по микрофонам, мерил градусником температуру воздуха и фиксировал данные.

— Алло, баян! Свет! Дайте нам свет! — кричал он в трубку.

Но никто не отвечал. Гришка увидел: ель, выросшая прошлой ночью, теперь стояла сухая, будто ей триста лет. Лось, и без того перепуганный, теперь почувствовал, что его рвет. Рыбак заметил это.

— Это надо же... — сказал он, захватив больше воздуха грудью.

Ветер утих. Послышались шаги. Рыбак посмотрел на шального Гришку расстроено.

— Не бойся.

Палатку расстегнули. Золотой зуб сверкнул: пришел Охотник.

— Привет, — Охотник улыбнулся.

Рыбак не ответил.

— Эко нас всех накрыло, — пошутил тот.

Рыбак выключил свои системные передатчики и печально уставился в мрак за спиной у Охотника.

— Ничего не осталось, — сказал золотозубый.

Гришка боялся. Охотник молча подошел и ткнул чем-то острым в бок.

— Закрой глаза и иди за мной, — приказал он.

Гришка с тоской посмотрел на Рыбака, но тот думал о своем. Лось, сопровождаемый, вышел из палатки. Последнее, что он успел запомнить: мертвая ель категорически распалась на составляющие. Мрак забрал и Гришку, и Охотника.

Рыбак достал жестяное ведро, сел на него и закурил. Из расстегнутого отверстия палатки черное полотно настигало все пространство вокруг. Ближе и увереннее подкрадывалось к нему.

— А ведь я только расставил сети! — расстроено швырнул окурок Рыбак.

Ночь выдохнула в последний раз. Вакуумная тишина — и через мгновение слышался приятный шум: поползла новая когнитивная река.